

Максим Вырешиков

Монастырь

Максим Вырещиков

Монастырь

<https://litres.ru/74666317>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный архитектор-эколог Иван Соломин, чья жизнь подчинена безупречной логике и корпоративным графикам, в один день теряет работу, невесту и смысл существования, после чего сбегает из стеклянной башни Екатеринбурга в Дивеево. В монастыре он проходит путь простого трудника, заново учась жить через физический труд, молитву и созерцание древней красоты, пока мир больших денег пытается вернуть его обратно. Спустя месяц Ивану предстоит сделать выбор: вернуться домой на престижную должность с зарплатой в три раза выше прежней или остаться в обретенной тишине, поняв, что настоящее счастье измеряется не квадратными метрами, а способностью любить бескорыстно.

Монастырь

Глава 1. Точка не возврата

Цифры на мониторе сливались в серую, пульсирующую массу. Двадцать восьмой вариант визуализации транспортной развязки на ВИЗе. Иван Александрович Соломин, 1991 года рождения, ведущий специалист по развитию городской экосистемы, медленно выдохнул, пытаясь согнать резь в глазах. Завтра в десять утра. Совет директоров, представители инвесторов из Москвы и Китая.

Проект был идеальным. Математически выверенным, экологически безупречным, архитектурно дерзким. Он должен был превратить старый промышленный пояс Екатеринбурга в зеленый каркас, вдохнуть жизнь в бетонные легкие города. Иван знал каждую линию, каждый гектар высвобождаемой земли, каждый миллион сэкономленных бюджетных средств. Но сейчас, в половине десятого вечера, глядя на трехмерную модель будущего парка, он чувствовал только звенящую, абсолютную пустоту.

Весь офис «УралДевелопмент» на двадцать втором этаже башни «Высоцкий» жил своей ночной жизнью. За полупрозрачными перегородками монотонно бубнил в гарнитуру финансовый отдел — выбивали очередной транш. Пахло остывшим кофе, озоном от принтера и дешевым парфюмом стажеров. Кто-то, невидимый за стеллажом с макетами, бес-

конечно цедил чай, громко стуча ложечкой о край кружки. Этот ритмичный, сводящий с ума звук — дзинь, дзинь, дзинь — был единственным, что пробивалось сквозь гул вентиляции.

Иван потер переносицу.

— Еще раз наложи слой шумовой карты, — бросил он в микрофон младшему аналитику. — Если мы сместим развязку на сорок метров к северу, мы уходим из зоны акустического дискомфорта.

— Иван Александрович, там старые сети водоканала, — уныло ответили из наушников. — Их перенос — плюс полгода к срокам.

— Значит, копаем глубже.

Он откинулся в эргономичном кресле, которое стоило как подержанная иномарка, и посмотрел на свое отражение в темном стекле окна. Молодой, представительный. Дорогой, но неброский свитер, идеальная стрижка, легкая щетина, которая в его тридцать четыре года уже казалась не богемной небрежностью, а частью дорогого образа. Успешный мальчик из хорошей семьи, который сделал себя сам. У него была ипотека в «Клевер Парке», абонемент в премиальный фитнес-клуб, девушка-стилист, которая завтра собиралась лететь на неделю в Стамбул, и четкий план на следующие десять лет.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Леры: «Купила кило лука. Жаль, что ты пашешь. Скучаю. Целую

в твой идеальный график».

Иван смахнул уведомление, не ответив. Идеальный график. Идеальная жизнь. Идеальный проект, который завтра принесет компании еще пару миллиардов, а ему — премию, на которую он купит Лере кольцо. Платиновое, с редким камнем, как она и хотела. От этой мысли к горлу подступила тошнота.

Дверь в его стеклянный куб с тихим шипением отъехала в сторону. На пороге стоял шеф, Аркадий Борисович. Человек-глыба, бывший комсомольский функционер, перековавшийся в акулу девелопмента. От него пахло дорогим коньяком и властью.

— Не спишь, Соломин? — голос Аркадия Борисовича был густым, заполняющим все пространство. — И правильно. Я твою красоту на флешку скинул, полистаю дома на диване.

— Там есть слабые места по ливневке, Аркадий Борисович. Я бы не рекомендовал показывать это в таком виде.

— Ваня, — шеф подошел вплотную, нависая над столом. Его тень накрыла клавиатуру. — Инвесторам не нужна твоя ливневка. Им нужен красивый рендер и уверенность, что мы не сроем их деньги в болото. Уверенность — это ты. Ты у нас лицо экологичной, мать ее, революции на Урале. Улыбаемся и машем.

Шеф хлопал его по плечу тяжелой, влажной ладонью и вышел.

Иван остался один. Точнее, он остался наедине с гулом вентиляции, стуком ложечки (дзинь, дзинь) и осознанием того, что он строит. Он строит бетонные саркофаги, маскируя их под «зеленые легкие». Он продает иллюзию спасения природы людям, которые эту природу уничтожают. Он сам — самый дорогой, самый качественный инструмент в этой машине перемалывания уральской земли.

Он встал. Ноги были ватными. Подошел к панорамному окну, занимавшему всю стену. Екатеринбург лежал внизу, распластаный в ноябрьской грязи. Миллионы огней — фары, окна, неоновые вывески. Город тяжело, астматично дышал, переваривая сам себя. Завтра он, Иван Соломин, выйдет к этим людям и будет красиво лгать о том, как спасет их детище. И они поверят. Потому что он выглядит презентабельно. Потому что его графики идеальны.

И вдруг его накрыло.

Это не было панической атакой, о которых любила рассказывать Лера. Это было нечто иное, физическое и метафизическое одновременно. Воздух в офисе, стерильный и кондиционированный, внезапно исчез. Легкие схватили вакуум. Пол под ногами исчез — двадцать второй этаж, стекло, огни, вся его карьера, ипотека и платиновое кольцо рухнули в бездонную, ледяную шахту.

Иван вцепился побелевшими пальцами в подоконник. Сердце не просто заколотилось — оно пропустило удар, а потом провалилось куда-то в желудок, замерев там тяжелым,

холодным камнем.

Он умрет.

Мысль пришла не в виде страха, а в виде абсолютного, математического факта. Так же, как он знал, что два плюс два равно четыре, он вдруг узнал, что его тело — этот дорогой костюм, этот тренированный пресс, этот идеальный мозг — всего лишь временный сосуд. И содержимое этого сосуда сейчас стоит на краю.

Он не боялся небытия. Он боялся того, что за секунду до конца поймет: вся эта жизнь, ради которой он не спал ночами, ради которой предавал собственную совесть на совете директоров, ради которой покупал лукум и выбирал кольца — была просто шумом. Тем самым раздражающим дзинь ложечки в кружке. Пустотой, обернутой в дорогую бумагу.

— Господи, — прошептал Иван Александрович Соломин в холодное стекло.

Он никогда не верил. В университете у них был курс религиоведения, который он сдал на отлично, препарируя веру как социальный институт. Его родители были советскими инженерами. Бог для него был метафорой, фигурой речи, культурным кодом.

Но сейчас, глядя в черное, беззвездное небо над Уралмашем, он произнес это слово не как культуролог. Он произнес его как утопающий.

— Господи. Если Ты есть...

Он не знал, что просить. Спасения? Отмены завтрашнего

совета? Нового смысла?

И тогда в голове, перекрывая гул вентиляции и стук лопатки, прозвучал ответ. Он не был голосом. Это была мысль, но она была чужой, пришедшей извне, и при этом поразительно ясной, собственной. Спокойной, тяжелой и теплой, как гранит.

«Оставь».

Всего одно слово.

Иван вцепился в подоконник так, что побелели костяшки. Оставить? Что оставить? Проект? Карьеру? Ипотеку? Леру с ее лукумом?

«Всё».

Воздух со свистом ворвался в легкие. Физическая воронка в животе схлопнулась. Пол снова стал твердым, а за окном снова зажглись огни проспекта Космонавтов. Головокружение прошло так же внезапно, как и началось.

Иван отшатнулся от окна, тяжело дыша. Оперся спиной на стекло. Руки дрожали. Он был абсолютно, кристально трезв.

Он посмотрел на свой рабочий стол. На макет развязки. На мигающий курсор в строке бюджета. На телефон, где светилось сообщение от Леры.

Проект, который должен был стать вершиной его карьеры, вдруг показался ему гробом. Красивым, экологичным, энергоэффективным гробом, в который он завтра должен будет лечь заживо перед лицом инвесторов.

Дверь снова отъехала. На пороге стояла Анечка, секре-

тарь, с пластиковым стаканчиком чая.

— Иван Александрович, вам сделать? У меня мелисса.

Иван посмотрел на нее. На ее уставшее, доброе лицо. На ее жизнь, которая, в отличие от его собственной, не была фейком. Она просто жила.

— Аня, — голос Ивана был хриплым, чужим. — Вызови мне, пожалуйста, такси. Я... мне плохо.

— Скорую? — она тут же напряглась, роняя ложечку.

— Нет. Просто такси.

Он подошел к своему столу, мимоходом смахнув на пол дорогую латунную ручку. Открыл ящик, достал паспорт и банковскую карту.

— А проект? — пискнула Анечка, глядя на погасший монитор. — Завтра же совет...

— Проект подождет, — сказал Иван, надевая пальто. — Кажется, он подождет вечность.

Он не пошел к лифту. Он пошел к лестнице. Спускаясь с двадцать второго этажа, шаг за шагом, он чувствовал, как ледяной камень в желудке начинает таять, уступая место чему-то горячему, обжигающему и совершенно непонятному. Он спускался вниз, в екатеринбургскую ночь, оставляя наверху не просто недоделанную работу. Он оставлял Ивана Александровича Соломина, молодого презентабельного специалиста.

Наверху, в стеклянном кубе, продолжал мигать курсор. А

в кармане пальто, впервые за много лет, человек, уверовавший в Бога, начал молиться. Не словами из молитвослова, которых он не знал. Он просто повторял про себя, в такт шагам на бетонных ступенях: «Оставь всё. Оставь всё. Оставь всё».

Глава 2. Соль на рану

Ночной Екатеринбург встретил Ивана ледяным ветром с Чусовского озера. Он шел пешком, игнорируя призывы навигатора в телефоне свернуть к автобусной остановке. Ему нужно было выморозить этот ледяной камень в груди, превратить его в физическое онемение, чтобы не чувствовать, как он тает, уступая место липкому, горячему ужасу.

Город казался декорацией. Неоновые вывески кальянных на Синих Камнях, серая каша подтаявшего снега на тротуарах, одинаковые, как под копирку, фасады новостроек жилого комплекса «Бавария». Он сам выбрал эту квартиру. Двушка с евроремонтом, панорамным окном в пол и видом на пустырь, который через три года обещали превратить в парк. Иван тогда показывал Лере рендеры: «Смотри, здесь будет зелень, мы будем пить кофе по утрам». Лера целовала его и говорила, что он лучший.

Он зашел в прохладный, пахнувший хлоркой и свежей краской подъезд. Лифт, как всегда, не работал. Иван поднялся на свой двенадцатый этаж по бетонной лестнице, считая

пролеты. Раз, два, три... На двенадцатом сбилось дыхание. Не от усталости. От предчувствия.

Ключ повернулся в замке с глухим, тяжелым щелчком. Звук, который всегда означал возвращение домой, сейчас прозвучал как взлом.

В прихожей горел тусклый дежурный свет. Пахло ванилью и чем-то сладко-химическим — Лера включила ультразвуковой диффузор. На обувнице стояли ее бежевые замшевые ботильоны, которые он купил ей в прошлую субботу. Рядом — его дорогие кожаные туфли. Идеальная картинка счастливой жизни.

Иван разулся, повесил пальто на крючок. Руки двигались механически, сами по себе. Он прошел по светлому ламинату в гостиную.

— Лера? Ты долго? — спросил он в сторону приоткрытой двери ванной.

Тишина. Только глухой, убаюкивающий шум воды.

Иван сел на край дивана. Того самого углового дивана графитового цвета, который они выбирали три недели, споря о плотности наполнителя. Он смотрел на стену, где висел их совместный портрет из фотобудки — два счастливых, размазанных лица. Внутри было пусто. Ни гнева, ни ревности. Только звенящая ясность, оставшаяся после лестницы с двадцать второго этажа.

На стеклянном журнальном столике, рядом с пустой кружкой из-под чая, лежал ее телефон. Айфон последней

модели в чехле с блестками — еще один его подарок.

Экран вспыхнул.

Иван не хотел смотреть. Он физически чувствовал, что не должен, что это граница, за которую нельзя заходить. Но рука сама потянулась к аппарату, словно ее направляла невидимая, твердая воля. Та самая, что сказала ему «оставь всё».

Телефон завибрировал второй раз.

Иван взял его. Палец, не встречая сопротивления, скользнул по стеклу. Он не вводил пароль — Лера давно настроила разблокировку по лицу, и телефон признал его.

Открытый мессенджер. Контакт «Миша. Фитнес».

«Любимая, ты сказала ему, что вы с ним расстанетесь? Скажи быстрее. И поехали в Стамбул. Билеты я перекинул, вачер на отель на твое имя. Не тани, мне больно от твоего молчания».

Воздух в гостиной вдруг стал густым, как смола. Иван попытался вдохнуть, но легкие отказались работать. В груди, там, где только что была пустота, рванул огненный шар. Гнев пришел мгновенно, первобытный, животный — сжать эту шею с идеальным контурингом, разбить этот блестящий телефон о стену. Но гнев тут же разбился о следующую волну — волну такого абсолютного, всепоглощающего бессилия, что Ивану захотелось завывать.

Он аккуратно положил телефон на стол экраном вниз.

«Не зря, — пронеслось в голове. — Не зря я ушел с работы. Не зря меня привели домой. Сказать всё оставить».

В ванной щелкнула задвижка. Шум воды стих.

Иван не пошевелился. Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на свои идеальные, ухоженные пальцы.

Дверь ванной открылась, выпуская облако пара. На пороге стояла Лера. Ее лицо покраснелось от горячей воды, мокрые темные волосы прилипли к плечам. На ней был его любимый шелковый халат — молочно-белый, который он привез из командировки в Казань. Она выглядела как реклама дорогого отеля.

Увидев Ивана в полумраке гостиной, она вздрогнула, но тут же расслабилась и улыбнулась той самой улыбкой, которой улыбалась ему последние два года — немного снисходительной, немного кошачьей.

— Привет, милый. Ты почему так рано? У вас же аврал. Я думала, ты сегодня в офисе ночуешь.

Иван поднял на нее глаза. Он не пытался скрыть того, что прочитал сообщение. Он смотрел на нее тем самым «чуть ли не плачущим взглядом», который так презирал в других мужчинах. Взглядом ребенка, у которого на глазах убили собаку.

— Почему ты так поступила? — его голос был тихим, лишенным всяких эмоций.

Лера замерла. Улыбка медленно сползла с ее лица, сменившись профессиональной, хорошо отрепетированной маской недоумения.

— Ты про что, Ваня?

Иван молча взял со стола ее телефон и протянул ей. Свет от экрана упал на ее лицо.

— Я про сообщение от Миши. Он написал, что ты должна бросить меня.

Лера не взяла телефон. Она отступила на шаг назад, к спасительной стене коридора. Ее глаза мгновенно высохли и стали холодными.

— Зачем ты залез в мой телефон, Ваня? — в ее голосе зазвенела сталь. — Ты как абьюзер какой-то. Это мои личные границы. Это токсично.

Слово «токсично» ударило Ивана по лицу наотмашь. Весь ее лексикон из инстаграма, все эти курсы по «прокачке женственности» и «осознанности», которые он оплачивал, сейчас летели в него, как камни.

— Токсично? — переспросил он.

— Да! — она перешла в наступление, запахивая халат чуть туже. — Нам и правда стоит расстаться, Ваня. У меня прошли чувства к тебе. Ты ведь и сам в этом виноват. Ты не даешь мне нужных эмоций. Это ты во всем виноват. Ты — функция, Ваня. Ты ходячий бизнес-план. С тобой надежно, с тобой можно строить жизнь, но с тобой холодно. Миша... он живой.

Каждое слово было точным, выверенным ударом. Она не оправдывалась. Она выносила ему приговор, перекладывая вину на жертву. Иван слушал это и понимал, что она репетировала этот текст. Возможно, перед зеркалом в этой самой

ванной, пока он сидел над транспортной развязкой.

Он почувствовал, как внутри что-то обрывается окончательно. Не сердце — там уже всё было мертво. Обрывается последняя нить, за которую он еще цеплялся.

— Иди, — глухо сказал Иван. — Я тебя не держу, Лера. Ты меня предала. Я не хочу тебя видеть.

Она на секунду опешила. Она ждала скандала, криков, разбитой посуды, попытки ее удержать. Жертва, которая не сопротивляется, ломает сценарий.

Лера поджала губы. Развернулась на пятках и ушла в спальню.

Иван остался сидеть в гостиной. Он слышал, как хлопает дверца шкафа. Как шуршат вешалки. Как по дороговому ламинату стучат каблуки ее дорогих туфель. Она не спешила. Она собирала вещи с достоинством оскорбленной королевы.

Иван закрыл глаза.

«Почему так, Господи?» — спросил он не в молитве, а в глухом, недоуменном ропоте.

Лера вышла из спальни с огромным чемоданом на колесиках. За спиной у нее висел дорогой городской рюкзак. Она выглядела так, словно собралась в тот самый Стамбул, прямо сейчас.

Она остановилась в дверях, посмотрела на сгорбленную фигуру Ивана. В ее взгляде не было ни капли сожаления. Только раздражение и праведный гнев.

— Ты сам виноват, Ваня, — бросила она в тишину квар-

тиры. — Ты не давал мне эмоций. Живи теперь со своим бетоном.

Она развернулась, подхватила чемодан и выкатила его в коридор. Хлопнула входная дверь. Замок щелкнул дважды — сначала язычок, потом верхний ригель.

Удар двери прозвучал в идеальной акустике пустой квартиры как выстрел.

Иван сидел еще, наверное, полчаса. Он не плакал. Он думал.

«Я всё ей дал. У нее всё было. Квартира. Карта с неограниченным лимитом. Путешествия. Чувства — он же любил ее, он смотрел на нее как на чудо, когда она, пьяная и счастливая, танцевала на их первой встрече. Почему? Почему она так поступила?»

Ответ пришел сам собой, холодный и ясный, как вода из того душа.

Потому что ты строил парк на ВИЗе, Ваня. А свой собственный дом ты оставил пустым. Ты давал ей эмоции, как сдают отчетность — вовремя и в полном объеме. Ты покупал ей любовь, потому что не умел ее просто быть. Ты был функцией даже в постели.

И теперь функция уволена.

Иван встал. Ноги затекли. Он прошел в спальню. На идеально заправленной кровати, на его стороне, лежал забытый ею шелковый чулок. Он взял его двумя пальцами, словно дохлую змею, и бросил в корзину для белья.

Затем он вернулся в гостиную. Подошел к панорамному окну. Отсюда, с двенадцатого этажа, город снова казался макетом. Огни, машины, судьбы.

Он остался один. В квартире, за которую платить еще двадцать лет. В городе, который он больше не хотел спасать.

Иван подошел к выключателю и погасил свет.

В полной темноте, освещенный только мертвенным светом уличных фонарей, он снова опустился на колени прямо на холодный ламинат.

— Хорошо, — сказал он в пустоту. — Я оставлю всё. Со всем всё.

Глава 3. Конец

Хлопок входной двери прозвучал финальным аккордом, отсекавшим прошлую жизнь. В идеальной акустике пустой квартиры этот звук еще несколько секунд вибрировал в зубах, а затем растворился в звенящей, стерильной тишине.

Иван сидел на кухне. Он не включал свет. Лунный свет от панорамного окна падал на столешницу из искусственного камня, выхватывая из темноты идеально ровный край, хромированный кран и пустую, насухо вытертую раковину. Он сидел на жестком барном стуле уже несколько часов. Спина затекла, но он не чувствовал тела.

В голове не было ни паники, ни горя, ни даже облегчения. Мозг, привыкший обрабатывать терабайты данных, строить сложнейшие логистические цепочки и просчитывать бюдже-

ты в миллионы долларов, вдруг завис на одной-единственной, примитивной операции.

Всё было хорошо.

Почему она ушла?

Эта фраза билась о стенки черепа, как муха о стекло. Всё было хорошо. Квартира. Карта с неограниченным лимитом. Путешествия. Шелковый халат. Идеальный секс по расписанию, когда у него находилось окно в графике. Он дал ей всё, что, согласно курсам по психологии отношений, которые она заставляла его оплачивать, должна была хотеть современная женщина. Он был надежным. Он был перспективным. Он был функцией.

Почему она ушла?

Он смотрел в одну точку — на стык кухонного фартука и столешницы. Стык был безупречен. Ни единого зазора. Миллиметры идеальности. Он просидел так до утра, не моргая. За окном сменилась чернота на серую, тяжелую ноябрьскую хмарь. Город просыпался, издавая привычный утробный гул, но для Ивана этот звук существовал где-то за звуконепроницаемым стеклом.

В половине восьмого на столешнице взорвался трелью забытый им смартфон. Стандартный, бездушный сигнал будильника. 07:30.

Иван вздрогнул. Электрический импульс прошел тело. Презентация. Десять утра. Совет директоров. Москва. Китай.

Руки, которые ночью механически гасили свет в гостиной, теперь двигались в режиме автопилота. Душ — тридцать секунд, ледяная вода, чтобы выбить из головы липкую вату мыслей. Чистка зубов — ровно полторы минуты. Дорогой костюм — на плечики, проверить, нет ли пылинок. Идеальный узел галстука.

Он зашел в свой рабочий угол — кабинет в квартире. Монитор всё так же мигал курсором в строке бюджета. Двадцать восьмой вариант транспортной развязки. Проект был сырым. Он знал это еще вчера. Ливневка не сходилась, сети водоканала требовали перепроектирования, а «зеленые легкие» на поверку оказывались слишком дорогими в обслуживании. Вчера это было проблемой, которую он собирался решить за ночь.

Сейчас это была катастрофа.

Иван опустился в эргономичное кресло. Пальцы легли на холодный алюминий клавиатуры. Он должен был это сделать. Он не мог их подвести. Не мог оставить проект. Это было бы непрофессионально. Это было бы... слабостью.

Он открыл файл. Перед глазами поплыли цифры. Миллионы, гектары, кубометры бетона. Он кликнул на слой шумовой карты. Рука дрогнула. Курсор съехал, зацепив слой подземных коммуникаций. Чертеж рассыпался на фрагменты.

— Так, соберись, — прошептал Иван. — Мне же тридцать пять. Я профессионал. Я лучший в этом городе.

Он произнес это вслух, пытаясь убедить самого себя. Но

голос в утренней тишине офиса прозвучал жалко, фальшиво. Он не узнал собственного тембра.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла и попытался дышать по схеме «четыре на четыре», которой учили на тренингах по стрессоустойчивости. Вдох. Выдох. Вдох. Но легкие отказывались брать этот стерильный, пахнущий озоном и дешевым кофе воздух. Ему не хватало кислорода. Ему не хватало смысла.

Нужно было ехать.

Он вызвал такси через приложение. Премиум. Черный «Тойота Камри» с водителем в строгом пиджаке. Спускаясь на лифте, он смотрел на свое отражение в полированных дверях. Дорогой костюм сидел идеально. На него смотрел тридцатипятилетний успешный мужчина, у которого этой ночью украли жизнь, но забыли забрать кредитную карту.

Машина мягко затормозила у подножия башни «Высоцкий». Иван расплатился, вышел на мокрый асфальт. Ночной дождь смыл грязь, но небо оставалось низким, давящим. Он стремительно пошел к сияющим дверям бизнес-центра, на ходу доставая пропуск.

И замер.

Прямо на низком бетонном парапете, отделяющем тротуар от входа в сияющий храм капитализма, сидел человек. Это был попрошайка. В Екатеринбурге, в самом сердце делового квартала, у входа в башню, где чашка кофе стояла как дневной бюджет среднестатистической семьи, попроша-

ек давно выжили частные охранные предприятия.

Но этот был не обычным бомжом-попрошайкой. На нем была черная, грубой шерсти ряса. Потертая до блеска на локтях и коленях, перевязанная простой веревкой. Капюшон был накинут на голову, скрывая лицо в тени. Он не тряс стаканчиком и не причитал о сгоревшем доме. Он сидел абсолютно неподвижно, сложив руки на коленях, словно каменное изваяние, забытое у подножия стеклянного идола.

Иван сделал шаг в сторону, намереваясь обогнуть его по дуге, как обходят лужу.

— Брат, — голос монаха был тихим, но он не просил. Он констатировал. — Помоги во имя Господа Бога.

Рука в черной перчатке протянулась к Ивану. В ней не было пластиковой бутылки. Это была просто открытая, ждущая ладонь.

Иван остановился. Он, который вчера вечером впервые в жизни молился в холодном стекле, смотрел на эту руку. Он полез во внутренний карман пиджака, где лежал потертый кожаный бумажник. Достал пяти тысячную купюру.

Их глаза встретились. Капюшон чуть сдвинулся. Лицо монаха было изрезано глубокими морщинами, кожа — дубленой, темной от ветра и солнца. Ему было лет шестьдесят, а может, и все сто. Но взгляд... Взгляд был абсолютно ясным. В нем не было ни унижения просящего, ни безумия юродивого. В нем была тяжелая, спокойная, гранитная уверенность. Та самая, что прозвучала в голове Ивана на двадцать

втором этаже: «Оставь».

Иван смотрел в эти глаза и понимал абсурдность происходящего. Он, ведущий специалист, едет презентовать проект на миллиарды. Он, у которого этой ночью рухнула вселенная личной жизни, стоит с пятитысячной бумажкой перед тем, кто добровольно отказался от всего.

Он не положил деньги в ладонь. Пальцы разжались, и купюра, подхваченная ледяным порывом ветра, спланировала на мокрый асфальт, прямо в серую кашу из грязи и городской пыли после ночного дождя.

Иван молча пошел дальше.

Его походка больше не была стремительной. Ноги налились свинцом. Каждый шаг по мраморному холлу отдавался болью в висках. Он приложил пропуск к турникету. Поднялся на двадцать второй этаж.

Здесь всё было готово к войне. В переговорной горел мягкий свет. На огромном экране застыла идеальная, залитая солнцем 3D-модель парка. Пахло свежесваренным дорогим кофе и уверенностью. Аркадий Борисович, уже изрядно пахнувший своим утренним коньяком, что-то громко объяснял китайскому переводчику, похлопывая его по плечу.

Иван прошел к своему месту во главе стола. Сел. Открыл ноутбук.

На него смотрели сотни глаз. Ожидающих. Жадных.

Он щелкнул пультом. Смена слайда. Еще одна. Зеленая лужайка. Велодорожка. Счастливые рендеры людей, выгули-

вающих корги на месте бывшего литейного цеха.

Его пальцы зависли над тачпадом. Слова, которые он репетировал тысячи раз — про ESG-повестку, про капитализацию, про экологический каркас — застряли в горле сухими комьями.

Он посмотрел на экран. На эту красивую, глянцевую ложь. — Мне же тридцать пять, — снова прошептал он, но на этот раз не себе, а в мертвый воздух переговорной. — Я профессионал...

Он поднял глаза на Аркадия Борисовича. Шеф перестал улыбаться. Уверенность на его лице медленно сменялась тяжелым, свинцовым недоумением.

Иван смотрел на него, на инвесторов, на идеальный проект, и чувствовал, как ледяной камень, который, как ему казалось, начал таять на лестнице, снова намертво вмерзает в солнечное сплетение. Но теперь это был не страх смерти. Это было осознание того, что он сейчас встанет и снова начнет лгать.

А в кармане его идеального пиджака, впервые за много лет, не было ни смартфона, ни ключей от «Клевер Парка». Там лежал только пластиковый пропуск в башню, которая вдруг показалась ему не офисом, а склепом.

Иван сидел в мертвой тишине переговорной. Она была плотной, осязаемой, как бархат, и пахла озоном от проектора и дорогим парфюмом китайцев. На огромном экране застыла залитая цифровым солнцем 3D-модель развязки. Птички

на искусственных ветках казались вырезанными из пластика. Иван смотрел на слайд, но видел перед собой лицо Леры в полумраке гостиной, ее снисходительную улыбку и слова, бьющие наотмашь: «Ты — функция, Ваня».

Тишину нарушил Аркадий Борисович. Он не стучал по столу и не повышал голос. Он просто выдохнул, и этот звук, похожий на скрип кожаного кресла, заполнил собой всё пространство.

— Иван, начинайте доклад. Коллеги ждут.

Иван медленно повернул голову. Шеф стоял за его спиной, нависая своей массивной фигурой. В его глазах не было злости, только тяжелое, профессиональное раздражение человека, у которого сломался дорогой инструмент.

Иван посмотрел на инвесторов. Москвичи сидели с непроницаемыми лицами профессиональных хищников. Китайцы синхронно кивнули, их улыбки были приклеены к лицам скотчем вежливости. Они ждали. Они ждали, что он, Иван Александрович Соломин, сейчас красиво и убедительно продаст им иллюзию спасения уральской земли.

В голове снова прозвучал тот самый голос. Не чужой, не мистический, а его собственный, очищенный от шелухи амбиций.

Оставь это.

Пальцы Ивана, лежавшие на пульте управления слайдами, разжались. Пластиковая коробочка беззвучно упала на толстый ворс ковролина.

— Извините, — его голос прозвучал хрипло, словно он долго кричал в пустоту. — Проект сырой. Я не могу вести презентацию.

Он не повысил тона. Он просто констатировал факт, такой же математический, как два плюс два.

Иван медленно поднялся из-за стола. Дорогая ткань брюк скользнула по кожаному креслу. Он не смотрел на шефа. Он не смотрел на инвесторов. Он смотрел прямо перед собой, на стеклянную стену, за которой лежал серый, задышающийся Екатеринбург.

Он развернулся и пошел к выходу.

За спиной взорвался хаос.

— Иван Александрович! — взвизгнула Анечка, секретарь. — А протокол? Подписание?!

— Какая «сырая»?! — прошипел финансовый директор. — Мы три месяца сводили сметы!

В наступившей панике было слышно только тяжелое дыхание Аркадия Борисовича. Шеф не стал кричать. Он сделал два длинных шага, обогнул стол и преградил Ивану путь к лифту.

— Иван, стой, — голос шефа был низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости. — Это что за выкрутасы? Ты беле-ны объелся? Вернись. Сейчас же. И доложи о проекте. Им нужен рендер, Ваня. Им нужна твоя идеальная улыбка. Улыбаемся и машем, помнишь?

Иван остановился. Он посмотрел на Аркадия Борисовича

— на его влажный лоб, на дорогую перхоть на темном пиджаке, на запах коньяка и власти.

— Не могу, Аркадий Борисович.

И плотину прорвало.

Холодный, кристальный ужас, который держал его в узде с двух часов ночи, рухнул. На Ивана снова нахлынула горечь вчерашнего расставания. Вспышка — Лера запахивает халат, ее глаза становятся ледяными. Вспышка — она катит чемодан по ламинату. Вспышка — хлопок двери, прозвучавший как выстрел.

Оставь.

Слово ударило в виски, вымывая остатки профессиональной выдержки.

Аркадий Борисович смотрел на него секунду. Затем его лицо изменилось. Маска «отца-командира» и «акулы дивиденда» треснула, обнажив то, что скрывалось под ней всегда — жесткий, безжалостный прагматизм. Он понял, что уговаривать бесполезно. Инструмент не просто сломался, он решил, что он — не инструмент.

Шеф выпрямился. Он стал выше ростом, заполнив собой весь коридор.

— Тогда с сегодняшнего дня ты уволен, — произнес он буднично, словно диктовал секретарю время следующего совещания. — Ключи от кабинета, пропуск, корпоративный телефон — на стол службы безопасности. Через пять минут. Расчет получишь в бухгалтерии за вычетом неустойки

по контракту. Свободен.

Иван ждал выговора. Ждал штрафа. Ждал, что его заставят писать объяснительные, отрабатывать две недели, ползать на коленях. Но увольнение? Просто так, посреди самого важного дня года?

Он открыл рот, чтобы что-то сказать — извиниться, спросить, как же так, — но слова застряли в горле. Аркадий Борисович больше не смотрел на него. Он развернулся на дорогах итальянских туфлях, одернул пиджак и пошел обратно в переговорную.

— Господа, прошу прощения, — донесся его бархатный, восстановленный голос. — Небольшой технический сбой. Мой заместитель сейчас придет, и мы продолжим. Экология — тонкая материя, нервы не выдерживают...

Дверь переговорной закрылась, отрезав Ивана от его прошлой жизни.

Он остался один в пустом коридоре. Ноги подкосились. Он сделал два шага в сторону и тяжело опустился в ближайшее кресло для посетителей. Мягкая кожа обхватила тело, но комфорта не было. Было ощущение падения.

Девушка бросила. Работу потерял.

Что еще?

В кармане пальто завибрировал телефон.

Иван вздрогнул. Рефлексы сработали быстрее мозга. Он полез внутрь, достал аппарат. Это был его личный iPhone, не корпоративный. На экране светилось уведомление от бан-

ковского приложения.

Он машинально приложил палец к сканеру.

«Уведомление службы безопасности. На вашем счете зафиксирована подозрительная активность. Попытка перевода крупной суммы на неизвестный счет. В целях безопасности все ваши счета и карты заблокированы на 30 дней. Дистанционная разблокировка невозможна. Для верификации личности и средств обратитесь в отделение банка с паспортом».

Иван перечитал сообщение дважды. Буквы плыли перед глазами.

Еще и счета.

Он сидел в дорогом кресле в холле бизнес-центра, одетый в костюм, который стоил как три месячных зарплаты рабочего с Уралмаша. В кармане лежал кусок платины и кожи, который теперь был просто куском железа — он не мог купить на него даже чашку кофе из автомата в этом же здании. Его карты превратились в тыкву. Его деньги, заработанные бессонными ночами, предательством собственной совести и проданным воздухом, были заморожены где-то в цифровых недрах банка.

Лера, уходя, наверняка успела перевести свою часть «накоплений на Стамбул» или просто сняла наличные. А его «идеальный график» только что схлопнулся в черную дыру.

Он сидел, глядя на погасший экран смартфона.

У него не было работы.

У него не было дома — ипотека за «Клевер Парк» теперь

была его личной, неразрешимой проблемой.

У него не было Леры.

У него не было денег.

Иван медленно поднял голову и посмотрел в панорамное окно холла. Там, внизу, по стоянке бизнес-центра медленно ехал черный «Тойота Камри» — то самое такси, на котором он приехал сюда триумфатором. Машина выехала на улицу Челюскинцев и скрылась в серой, майской каше.

Иван Соломин, ведущий специалист, эколог, мужчина с планом на десять лет вперед, сидел в кресле в холле башни «Высоцкий». Он был гол. Абсолютно, физически и метафизически обнажен перед этим городом, который продолжал тяжело дышать за стеклом.

Он встал. Тело было ватным, но в ногах появилась странная, пугающая легкость. Он подошел к лифту. Вызвал кабину.

Двери со звонким, мелодичным «дзинь» разъехались в стороны. Иван шагнул внутрь. Он не знал, куда едет. Вниз, на улицу. В никуда.

Но впервые за долгие годы, нажимая кнопку первого этажа, он не думал о том, что скажет на следующем совете директоров. Он думал только о том, что на улице идет ледяной дождь, а на нем — тонкое кашемировое пальто, совершенно не подходящее для ночевки на скамейке.

Глава 4. Билет в одну сторону

Двери лифта закрылись, отрезав Ивана от тепла, света

и иллюзии безопасности башни «Высоцкий». Он вышел на улицу, и майский Екатеринбург ударил его по лицу мокрым, колючим ветром.

Он не пошел к дороге ловить машину. Ноги сами, обходя лужи, понесли его прочь от стеклянных фасадов, в сторону старого сквера, где под голыми, черными липами стояли чугунные скамейки. Иван прошел мимо фонтана, сейчас отключенного и похожего на бетонную могильную плиту, и тяжело опустился на мокрое дерево.

Он сидел, сгорбившись, сунув руки глубоко в карманы пальто, которое стремительно набирало влагу. Он не думал. Мыслительный процесс, всегда бывший его главным рабочим инструментом, сейчас давал системный сбой. Перед глазами просто сменялись картинки: идеальная 3D-модель развязки, блестящий халат Леры, лицо Аркадия Борисовича, текст банковского уведомления.

Иван опустил взгляд. Прямо у носка его дорогого ботинка пузырилась лужа. В ней отражалось серое, беременное снегом небо, искаженное рябью от ветра. Он смотрел в эту грязную воду, и ему казалось, что он смотрит на собственное отражение — такое же мутное, разорванное и никому не нужное.

— Брат, да ты не расстраивайся, — голос прозвучал совсем рядом, тихий, надтреснутый, но лишенный всякого старческого дребезжания. — Что бы у тебя ни случилось. Скажи Господу Богу спасибо за то, что происходит. Ведь без

Его воли ничего не бывает.

Иван вздрогнул. Голос шел не сбоку, а откуда-то из-за спинки скамейки. Он медленно, деревянно повернул голову.

Там, прислонившись плечом к чугунной опоре, стоял тот самый монах. Он никуда не ушел. Он просто ждал. Черная потертая ряса потемнела от влаги, капюшон был откинут, и редкие капли дождя стекали по глубоким, как трещины в сухой земле, морщинам.

— Кто ты? — хрипло спросил Иван. В горле пересохло.

Человек в рясе чуть склонил голову набок. В его глазах, выцветших от ветра и солнца, не было ни безумия, ни хитрости уличного попрошайки. Только бесконечная, тяжелая усталость.

— Я всего лишь человек, который несет слово Божие, — ответил он просто.

Иван нервно, лающе рассмеялся. Смех застрял в груди кашлем.

— Какое слово, — выдохнул он, вытирая мокрое лицо ладонью. — Ты же попрошайка. Ты сидишь у офиса и кланчишь мелочь у клерков, чтобы купить чекушку.

Монах не обиделся. Он даже не изменился в лице. Он смотрел на Ивана с той же спокойной, гранитной жалостью, с какой смотрят на ребенка, разбившего коленку.

— Не суди, да не судим будешь, — произнес он.

Это ударило Ивана наотмашь. Слова, которые он сам вчера прошептал в холодном стекле, вернулись к нему из уст

грязного бродяги.

— Да кто ты такой?! — голос Ивана сорвался на крик, эхом отразившись от стен соседних домов. Он вскочил со скамейки, нависая над сидящим монахом. — Что тебе от меня нужно?!

Монах не отшатнулся от его крика. Он медленно, с трудом разогнул затекшие ноги и встал. Он был ниже Ивана, но почему-то казался выше. Он сунул сухую, морщинистую руку за пазуху рясы, пошарил там и достал скомканный, грязный комок.

Это были пять тысяч рублей. Та самая купюра, которую Иван бросил на асфальт. Ветер и мокрый снег превратили ее в серую, склизкую тряпку, пахнущую бензином и землей.

— Они тебе нужнее будут, — сказал монах и протянул деньги Ивану. Его ладонь была теплой. — Съезди в одно святое место. Пусть у тебя душа на место встанет. Увидишь там благодать святых и Бога нашего. Место это называется Дивеево. Место силы. Тех, кто верит, и даже тех, кто не верит. Сам увидишь.

Монах разжал пальцы. Грязная бумажка упала Ивану в руку. Она была тяжелой, влажной и абсолютно реальной.

Иван стоял, сжимая в кулаке эти пять тысяч, и смотрел на свои пальцы. Он ждал подвоха, насмешки, какого-то дешевого фокуса. Но ничего не происходило.

Монах попрошайка, человек, которому он только что отказал в милостыне, только что вернул ему эти деньги, чтобы

отправить его за четыреста километров от Екатеринбурга.

— Зачем? — только и смог выдавить Иван. — Зачем тебе это?

Монах не ответил. Он лишь слабо улыбнулся краем губ — улыбкой, в которой не было ни зубов, ни веселья, только бесконечное понимание. Он развернулся. Его стоптанные, разбухшие от воды ботинки зашлепали по мокрому асфальту. Он не оглядываясь пошел в сторону трамвайных путей, сливаясь с серой массой спешащих под дождем прохожих.

Иван остался один.

Он стоял посреди сквера, и прохожие обходили его, как статую. Он разжал кулак. Грязная пятитысячная купюра, перечеркнутая его собственным прошлым, лежала на ладони.

Он поднес ее к лицу. Пахло улицей.

Иван медленно опустился обратно на скамейку. Он больше не смотрел в лужу. Он смотрел вслед ушедшему человеку.

Холод, который сковывал его изнутри, начал отступать. На его место пришло нечто иное — звенящая, оглушающая пустота, в которой, как в вакууме, звук разносился особенно громко.

Дивеево.

Слово, произнесенное хриплым голосом бродяги, застряло в голове. Оно не было похоже на «ипотеку», «рендер» или «токсично». Оно было шершавым, древним и непонятным.

Место силы.

Иван сидел на мокрой скамейке в центре Екатеринбурга. У него не было работы. У него не было денег на счетах. У него не было дома, куда можно вернуться. У него не было Леры.

Но в кармане его дорогого, промокающего насквозь кашемирового пальто лежали грязные пять тысяч рублей. И в голове, перекрывая вой ветра и гул города, билось одно-единственное, спасительное, как глоток воздуха перед утоплением, слово:

Дивеево.

Глава 5. Пыль на лаке

Замок поддался не сразу — руки Ивана, еще вчера привыкшие к дорогим кожаным рулям и гладким поверхностям смартфонов, мелко дрожали. Ключ дважды проскользнул в скважине, прежде чем язычок с тяжелым, глухим щелчком втянулся в дверь.

В прихожей пахло ванилью. Этот химически-сладкий, удушливый запах ультразвукового диффузора, который Лера включала каждый вечер «для расслабления чакр», ударил в нос, и Иван на секунду задохнулся. Воздух квартиры стал густым, как клейстер. Здесь всё еще жила она: на обувнице стояли ее бежевые замшевые ботильоны, на вешалке висел забытый шелковый шарф, а на зеркале розовым маркером было криво выведено «Пятница — пилатес». Шарф

Иван сдернул и швырнул в мусорное ведро, стоявшие почему то посреди коридора. Ткань бесшумно упала на скомканный мусор.

Он прошел в гостиную, на ходу стягивая тяжелое, насквозь промокшее кашемировое пальто. Бросил его на пол. Дорогая ткань бесформенной лужей растеклась по светлому ламинату. Иван дошел до углового дивана графитового цвета, сел, не разуваясь, прямо в мокрых, испачканных городской грязью туфлях, и запрокинул голову.

Потолок был идеально ровным. Матовый натяжной потолок, за который он отдал в прошлом году сорок тысяч, чтобы скрыть трещину от усадки дома. Иван смотрел на эту безупречность, и впервые за тридцать пять лет его мозг отказывался обрабатывать информацию. Тот самый мозг, который вчера просчитывал логистику бетонных свай и рентабельность зеленых зон, сейчас превратился в сломанный механизм. Мысли не текли, они бились о стенки черепа, как слепые насекомые.

Лера ушла. Аркадий уволил. Банк заблокировал. Денег нет. Квартира в ипотеке. Ипотека — сорок тысяч в месяц. Завтра нужно платить за «Клевер Парк».

Но эти слова — «деньги», «ипотека», «уволен» — были пустыми фантиками. Настоящей физической болью было другое: ледяной дождь, который тек за шиворот на скамейке, и тяжелая, влажная пятитысячная купюра в кармане. Иван сунул руку в брюки. Бумага смялась, пахла мокрой землей

и дешевым табаком. Он вытащил ее, расправил на колене. Грязный, посеревший от екатеринбургской слякоти прямоугольник. Билет в никуда.

Дивеево.

Слово, брошенное бродягой в рясе, застряло в голове занозой. Иван моргнул. Сухожилия на шее натянулись. Он сел ровнее.

Что это? Где это?

Рука сама потянулась к джинсам, нащупала в кармане холодный прямоугольник смартфона. Личный iPhone, не корпоративный. Тот, который он не сдал службе безопасности, потому что просто забыл о нем. Заряд — семнадцать процентов. Иван разблокировал экран трясущимся пальцем.

Он открыл браузер. Белое поле поисковой строки зияло, как пустая глазница. Он медленно, с усилием, нажимая на виртуальные клавиши, набрал: Д-и-в-е-е-в-о.

Поисковик выплюнул карту. Нижегородская область. Село.

Ниже — фотографии. Белокаменные стены, купола, золотые кресты, пронзающие низкое серое небо. Тысячи людей в темной одежде, бредущие по мокрой глиняной дороге. Икона. Богородица в синем, окруженная канавкой.

Иван нажал на вкладку «Видео». Первое попавшееся — снятое дрожащей рукой на дешевый телефон. Рябь, цифровой шум, но звук был чистым.

Хор. Низкий, грудной, пробирающий до костей даже че-

рез динамик смартфона.

Скрип снега под сотнями валенок.

И голос — сухой, старческий, с каким-то невероятным, не наигранным теплом: «Радость моя, Христос воскрес».

На экране — весна, яркое солнце, бьющее сквозь березовые ветви, и монах в черном, раздающий пластиковые стаканчики с горячим сбитнем. Люди вокруг — изможденные, серые, с большими глазами — тянут руки, и при виде этого горячего стакана в их лицах на секунду проступает что-то детское, забытое.

Видео длилось три минуты. За эти три минуты Иван Соломин, ведущий специалист по развитию городской экосистемы, впервые за много лет не думал о цифрах. Он смотрел на эти лица, на эту грязь под ногами паломников, на эти простые деревянные кресты, и чувствовал, как ледяной камень в солнечном сплетении, который он считал своим сердцем, начинает крошиться. Там, на экране, не было «экологичного каркаса». Там была жизнь. Настоящая, страшная, дышащая.

Он закрыл видео. Экран снова показал его собственное отражение — осунувшееся, с тенями под глазами, в дорогом, но измятом воротнике рубашки.

Нужно ехать.

Решение пришло не как вспышка, а как тяжелый, плотный выдох. Это не было паломничеством. Это не было духовным поиском. Для Ивана, человека логики, это был единственный доступный маршрут. В Екатеринбурге его ждала пустая

квартира с платежом в сорок тысяч, заблокированные счета и уголовная статья за неоплату ипотеки в перспективе. Там, куда указал монах, была хотя бы точка на карте. Конец нити.

Иван встал. Ноги затекли, по ним побежали колющие иголки. Он прошел в спальню, к прикроватной тумбочке из «Икеа», которую Лера называла «скандинавским винтажем». Выдвинул верхний ящик. Паспорт. Зарядка. Несколько чеков. Он выдвинул нижний ящик.

Под стопкой старых футболок пальцы наткнулись на плотный, гладкий картон.

Маленькая металлическая коробка из-под монпансье. Иван открыл ее. Внутри, перетянутые черной аптечной резинкой, лежали наличные. Он начал считать, перекладывая купюры на кровать. Десять, двадцать, пятьдесят... Старые, потертые пятидесятые, хрустящие новые тысячные.

Девяносто восемь тысяч рублей.

Всё, что он откладывал «на черный день», пряча от Леры и от своих же привычек спускать всё в премиальных ресторанах.

Черный день наступил. Смешно.

Иван сгреб деньги, сунул их во внутренний карман пиджака. Паспорт — туда же. Он вернулся в гостиную, поднял с пола пальто. Оно было тяжелым и холодным, как труп. Иван встряхнул его, накинул на плечи.

Он прошел в коридор. Остановился перед зеркалом. На него смотрел призрак. Под глазами — чернота. Но взгляд

изменился. Вчерашний «успешный мальчик» с легким налетом божьей щетины исчез. Из зеркала смотрел человек, у которого одним днём разрушилась вся жизнь. В глазах не было паники. Была тяжелая, звенящая пустота, готовая наполниться чем угодно.

Иван взял ключи. Повертел их в пальцах. Брелок — кожаный, с логотипом «УралДевелопмент». Он с силой сжал брелок, и тот треснул. Иван оторвал кусок кожи с логотипом, бросил на пол. Ключи от пустой, пахнувшей ванилью квартиры он оставил на обувнице.

Дверь закрылась за ним с тем же двойным щелчком. Теперь этот звук означал не возвращение домой. Он означал амбарный замок на прошлой жизни.

До железнодорожного вокзала он добирался пешком. Три километра через серый, морозящий Екатеринбург. Он не стал вызывать такси — банковская карта превратилась в кусок пластика, а наличные он берег. Дождь то затихал, то снова начинал сыпать мелкой ледяной крупой. Ветер с Чусовского озера продувал тонкое кашемировое пальто насквозь, но Иван не чувствовал холода. Адреналин и шок работали лучше любого термобелья.

На вокзале пахло хлоркой, мазутом и дорожной тоской. Под высокими сводами старого здания гудело эхо. Иван подошел к кассам дальнего следования. Очередь — человек десять: усталые женщины с клетчатыми сумками, мужики в камуфляже, студенты.

— Мне до Арзамаса, — сказал он в окошко, протягивая паспорт и деньги. — Купе. На завтра. Самый ранний.

Пожилая кассирша в форменном берете, не поднимая глаз от монитора, защелкала клавиатурой.

— Нижняя полка вас устроит? Отправление в ноль сорок пять. Поезд триста пятьдесят второй, Екатеринбург — Адлер.

— Устроит.

— Девять тысяч четыреста.

Иван молча положил на лоток нужную сумму. Кассирша выдала ему тяжелый, пахнувший скипидаром бумажный билет и сдачу. Он сжал билет в кулаке. Бумага была теплой. Настоящей.

Домой он не вернулся. До полуночи Иван сидел в кругло-суточной привокзальной столовой, перед пластиковым стаканчиком остывшего чая. Он смотрел на график движения поездов, светящийся на старом табло, и впервые за сутки позволил себе просто не думать.

В ноль сорок пять, когда город спал под тяжелым одеялом из туч, Иван уже стоял на перроне у девятого вагона.

Купе встретило его казенным уютом. Плоская подушка в несвежей наволочке, синтетическое одеяло, тусклая лампа-таблетка над столиком. Иван закинул наверх свой дорогой кожаный чемодан, который теперь казался нелепым инородным предметом, упал на нижнюю полку и закрыл глаза.

Тело, измотанное двумя сутками без сна, отключилось по-

что мгновенно. Но мозг продолжал работать.

Поезд дернулся, застучал колесами на стрелках, набирая ход. Ритмичный, убаюкивающий тыдых-тыдых, тыдых-тыдых.

Иван лежал в темноте, слушая, как за тонкой стенкой плацкарта кто-то храпит, а в коридоре позвякивают ложечками в стаканах проводники. Он думал о маршруте, который изучил перед выходом из дома.

Екатеринбург — Арзамас. Почти сутки в пути.

От Арзамаса — сорок километров. Либо на такси, которое сожрет половину его оставшейся наличности, либо на местном автобусе, который ходит два раза в день.

Он не знал, что будет делать, когда приедет. Он не знал, к кому там обращаться и где спать. В голове крутились обрывки просмотренного видео: грязь под ногами, пар от сбитня, низкий голос хора.

Место силы.

Иван открыл глаза. В темноте купе зеленый огонек кнопки вызова проводника казался глазом какого-то зверя. Он протянул руку и выключил лампу-таблетку.

В наступившей темноте стук колес стал громче. Тыдых-тыдых... Тыдых-тыдых...

Поезд уносил его на запад, прорезая уральскую ночь, увозя от стеклянных башен, заблокированных счетов и запаха ванили.

Иван Соломин, человек без работы, без дома и без буду-

щего, ехал в место силы. Впервые в жизни он ехал в никуда, не имея обратного билета в кармане.

Глава 6. Чужая лампада

Ночь стерла границы купе. За пластиковым окном больше не было ни уральских елей, ни редких фонарей — только густая, осязаемая чернота, изредка прошиваемая желтыми нитями встречных поездов. Иван лежал на верхней полке, слушая, как стальной хребет вагона гудит на стыках.

Мысли текли тяжело, как мазут. Он думал о том, что делает. Едет в абсолютную пустоту. У него нет плана, нет брони в гостинице, нет даже дорожной сумки — только дорогой кожаный чемодан, который казался здесь, в казенном купе, нелепым сундуком с чужого плеча, и внутренний карман пиджака, набитый остатками личности. Он бежал. Но впервые в жизни он бежал не куда-то, где его ждет новый контракт или забронированный столик, а откуда-то. От запаха ванили, от стеклянного куба офиса, от снисходительной улыбки Леры.

Зачем он едет?

Логика, его главный рабочий инструмент, давала системный сбой. Дивеево. Село в Нижегородской области. Что он там забыл? Он, Иван Соломин, который на презентации для китайцев оперировал терминами «капитализация зеленых зон» и «ESG-повестка»? Он не умел ставить свечи, не знал

молитв, а слово «благодать» для него еще вчера было просто красивым синонимом слова «прибыль». Но стоило тому бродяге в рясе произнести «Дивеево», как внутри что-то щелкнуло. Не голос, не знак — просто тяжелое, гранитное чувство правильности. Словно он, всю жизнь строивший идеальные развязки, наконец нашел единственно верный съезд с трассы, ведущей в никуда.

Поезд начал замедляться. Ритмичный стук колес сменился тяжелым, вибрирующим скрежетом. Иван не заметил, как состав вполз в сонную, безымянную станцию. Фонарь за окном плеснул жидким светом по шторе, на мгновение выхватив из темноты силуэт водонапорной башни, и снова всё утонуло во мраке. Вагон качнуло в последний раз и замерло.

В этот момент замок его двери тихо щелкнул.

Дверь отъехала в сторону, и в полумраке купе возникли две фигуры. Пожилая пара. Мужчина, лет семидесяти, с глубокими залысинами и лицом, изрезанным сеткой морщин, которые в полутьме казались трещинами на старой иконе. За ним — женщина, такая же маленькая, сухонькая, в накинутом на плечи пуховом платке. Они двигались бесшумно, как две тени, стараясь не потревожить спящих.

— Доброй ночи, сынок, — едва слышно выдохнул мужчина, увидев открытые глаза Ивана.

— Здравствуйте, — так же тихо ответил Иван, приподнимаясь на локте.

Старик кивнул, помогая жене снять легкий дорожный

рюкзак. Они заняли одну нижнюю свободную полку и одну верхнюю. Женщина аккуратно расправила простыню, легла лицом к стене. Мужчина сел на край полки, тяжело, со старческим кряхтеньем стащил с ног ботинки и поставил их под столик. И лихо залез на вторую полку.

Поезд издал долгий, утробный гудок и снова тронулся, медленно набирая ход. Темнота за окном сменилась редкими огнями спящего поселка. Иван закрыл глаза, надеясь, что новые попутчики тоже уснут, и он останется наедине со своим гулом в голове. Но сон не шел. С нижней полки доносилось ровное дыхание женщины и тихое, едва уловимое шуршание — старик перебирал четки.

Сон окончательно отступил под утро. За окном начало сеять. Небо налилось свинцом, предвещая новый дождь. Иван проснулся от ломоты в спине, спустился с полки и, стараясь не греметь, вышел в коридор.

Туалет пах хлоркой и застоявшейся водой. Иван долго плескал ледяной водой в лицо, глядя на свое отражение в мутном зеркале. Оттуда смотрел чужой, осунувшийся человек с воспаленными глазами. Дорогая рубашка измялась, на воротнике темнела полоска грязи — след вчерашней скамейки в сквере. Он расчесал волосы пятерней, выдавил на щетку пасту и долго, до скрипа, чистил зубы, пытаясь смыть с себя вкус екатеринбургского вокзала.

Когда он вернулся, купе было залито бледным, безжизненным светом нового дня. Пожилая пара не спала. Женщи-

на сидела у окна, глядя на пробегающие мимо голые березы. Мужчина уже одетый, в застегнутой на все пуговицы рубашке, пил чай из граненого стакана в тяжелом подстаканнике.

— Доброе утро, — сказал Иван, занимая свое место.

— И вам доброе, — женщина обернулась, и ее лицо, еще пять минут назад казавшееся суровым и замкнутым, вдруг осветилось мягкой, беззубой улыбкой. — Как спалось на верхотуре-то? Не упали?

— Бывало и хуже, — усмехнулся Иван. — В офисе на диванах ночевал, когда дедлайны горели.

Старик на нижней полке тихо хмыкнул в свой чай.

Женщина посмотрела на Ивана с материнским участием, скользнула взглядом по его дорогому, но измученному виду, и, видимо, решив, что перед ней просто уставший командировочный, мягко спросила:

— А вы, сынок, далеко путь держите? По делам или так, душа просится?

Иван напрягся. Он не хотел разговаривать. Любой светский разговор требовал вранья, а врать этим людям, пахнущим старым домом, шерстью и дешевым вокзальным чаем, было физически невозможно. Он хотел отмахнуться дежурным «по делам», но слово «Дивеево», брошенное монахом, всё еще жгло карман вместе с грязной купюрой.

— Сначала до Арзамаса, — ровно ответил он. — А оттуда... до Дивеево.

Женщина замерла с кружкой в руке. Ее муж перестал гре-

меть ложечкой о край стакана. В купе повисла тишина, в которой было слышно только, как стучат колеса.

— Дивеево? — переспросила женщина. В ее голосе не было удивления, только глубокая, теплая серьезность. Она поставила кружку, сложила руки на коленях — маленькие, узловатые, с темной пигментной сеткой. — Надо же. Мы с Василием, — она кивнула на мужа, — тоже туда ездили. Только сейчас домой в Звенигород возвращаемся от родственников с Сарапула.

— Это очень сильное место, — подхватил Василий, и его голос, глухой и надтреснутый, зазвучал вдруг с неожиданной твердостью. — Кто верит в Бога, тому там икона в руки идет. А кто не верит... тому просто спокойно становится. Место чистое. Земля там намоленная, за четыреста лет намоленная. Сама Царица Небесная это место выбрала. Идешь по канавке — а у тебя внутри всё вымывается. Вся накипь городская, вся злоба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.